

С 1990 года в течение 7 лет мне довелось работать на Нижегородской подстанции Скорой медицинской помощи. Так родился «Рассказы о «Скорой».

Работа для меня была не только источником средств существования. Калейдоскоп страшных и комических случаев оживлял сознание. Это был неиссякаемый родник наблюдений за человеческой природой.

Напротив Оперного театра я увидел стоящий трамвай и рядом небольшую толпу зевак. Машина остановилась.

Сначала я заметил, что к толпе подошла женщина и тут же упала, как будто у нее подкосились ноги. Рядом на низеньком чутунном заборчике сидело несколько женщин с лицами больных стенокардией людей. Подскочив к упавшей женщине, я даже не успел ни о чем спросить.

Ярослав КАУРОВ

Главы из книги «Величальная... Нижнему Новгороду»

— Не мне! Ему помогите! — прошептала женщина.

Только тут я заметил худого человека на коротких ножках, бегающего вокруг трамвая.

Рука женщины показала куда-то вниз, и я увидел, что рядом с рельсами стоят ботинки. Они стояли рядышком, как тапочки возле кровати. Я пригляделся, в ботинках были ноги.

Трамвай отрезал мужчине ноги и сейчас он в эректильной фазе шока бегал вокруг трамвая на костях кровавых обрубков.

Пока его ловили, укладывали вырывающегося на носилки, тащили в машину его ноги, я набрал в шприц наркотики, точно зная, что за них придется долго отчитываться. Наложил жгуты. До института травматологии и ортопедии было пять минут езды. Сосуды ног настолько спазмировались от шока, что кровь почти не текла. Существовала маленькая надежда, что ноги пришьют, но сам случай надолго кровавой занозой засел в душу.

За что? За простую неосторожность? Если это чисто материалистические причины, то отчего такая изощренность? Если это дьявол, то как Бог егопустил? Может быть это наказание Господне? Но как же, значит, велик был грех?

Вечером еще раз довелось приехать к институту травматологии — я привез совершенно пьяного высокого старика с абсолютно лысой головой. У него в драке с сыном была сломана рука, но держался он молодцевато и вызывающе.

— Не бойся, доктор! — в сотый раз уговаривал он.

При выходе из машины скорой помощи я, чтобы закрыть дверь, на секунду отпустил старика. Этой секунды пациенту хватило, чтобы упасть. Но упасть не просто так. Вы видели когда-нибудь, как бьет кнут? От толстой части кнута идет все убystряющаяся волна и находящийся в самом тонком конечном месте свинцовый шарик достигает невероятной скорости. Он ударяет о препятствие максимально резко и раскатисто.

Вот так упал старик. Сначала земли коснулись его колени, затем туловище и наконец об асфальт грянула лысая голова. Мне запомнился этот почти звонкий звук удара черепа об асфальт. Я даже присел на ступеньку машины.

«Ну все!» — пронеслось в голове. — Убился! Бедный старик. Как же я его отпустил? Как же я его отпустил? Проклятая рухлядь эта машина».

А старик заворачивался, встал на четвереньки и на карачках, но все еще гордо, начал шествовать к дверям больницы. Обернувшись, он махнул мне рукой.

— Ну чё ты, доктор? Не бойся, пошли. Не бойся, доктор!

Я потрусил за ним, поднял с колен и, обнявшись как друзья-субутильники, мы вошли в здание.

Рулетка, сплошная рулетка... Поистине Бог бережет пьяных и влюбленных.

Я сдал больного. Осведомился о состоянии предыдущего пациента с дорожно-го происшествия — тот был на операционном столе.

И тут ко мне пристали санитарки: «Доктор, заберите от нас терапевтического больного. Думали, обморожение, а у него только общее переохлаждение. Надо в 38-ю больницу отвезти. Перевозку вызвали, а ее уже четыре часа нет. Ну, пожалуйста! Мы его помогли. А перевозку мы отменили».

Пришлось согласиться.

Через минуту вывели человека. Ну чистый буддийский монах! Глазки-щелочки, лицо круглое, голова бритая с несколькими порезами.

— Он мордой вниз в свеженьком снегу спал, — объяснили санитарки. — Ночью-то заморозки были.

Одна из них в перчатках как-то особенно торжественно подавала пострадавшему тяжелое зимнее пальто.

«В крапинку, как дорогой английский твид», — еще подумал я.

Мы вышли на улицу, и тут я увидел, что крапинки ползают.

Все пальто божма было во вшах. Такого количества видеть еще не приходилось. Я сел в машину рядом с водителем, сплывая чувствую шевеление в салоне. Домчали клиента в единый миг.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

дывать шину, туго бинтовать и везти пострадавшего в ГИТО.

Кто такой врач? Судя по романам, это — интеллект. В дорогом костюме он входит в особняк или замок. Ведет долгие разговоры с хозяином — седым благородным старцем, сидящим в глубоком кресле у камина. Дает ему простые советы, прописывает сложные лекарства.

Он знает все семейные тайны, с детства лечил дочь хозяйна, а теперь следит, как развивается плод в ее чреве. Его мнением интересовались даже при выборе жениха для нее. Он прописывает успокоительные капли для пожилой истеричной тетюшки. Словом, он знает о членах благородного семейства больше, чем они сами знают о себе. Во всех романах главными действующими лицами являются помещик, врач и священник.

Времена изменились. Теперь врач — это представитель обслуживающего персонала. Если это светило, то он владелец конвейера, на котором неизвестные ему богатенькие пациенты испытывают на себе все прелести беспощадного прокрустово ложа. Им вставляют шприцотребовские челюсти, глаза, сердечные клапаны, суставы и члены. Обыкновенный же врач — это чиновник, постоянно заполняющий бумаги и назначающий лечение строго в соответствии с последними инструкциями. В нашей благословенной стране такой чиновник еще и нищий, бесправный и за это презираемый поденщик. Люди не понимают, что, принимая врача, они принимают, прежде всего, ценность собствен-

ной жизни. Проще говоря, их кожа уже ничего не стоит. И все же, как бы ни был унижен, сведен до состояния прислуги врач, в его образе остается что-то загадочное, притягивающее и пугающее. Ведь все-таки он держит в своих руках вашу жизнь.

Работа врача скорой помощи изобилует невероятными случаями. Этот вызов поступил поздним вечером. На Ильинской улице стоял домик. Я и раньше искал на него внимание. В три окошечка с резными наличниками в центре города он стоял как-то одиноко. Как можно было сохранять независимость, будучи захваченными другими домами, непонятно, однако именно так и было. Я постучал в старинную филантантовую дверь. За дверью зазвучали детские голоса. Дверь открылась, и мальчик пригласил меня внутрь. Пройдя темным коридором, мы через обитую дерматином дверь вошли в комнату, освещенную мягким электрическим светом, и я попал в сказку.

Сначала ошутил себя Алисой, съездившей пирожок, а потом понял, что мальчик, тянувший меня за рукав, достаточно стар. Резная старинная мебель находилась где-то у ног, так она была мала. Портреты и фотографии висели низко и над ними, несмотря на низкий потолок, оставалось непривычно много места. В комнате находились еще люди, и только через несколько мгновений пришло понимание, что они лилипуты. Красиво, несомненно, одетые девочки-дамы, пожилой лилипут с неправильными, несимметричными чертами лица в красной бабочке и безукоризненным черном костюме. Повыше других был малый в клетчатой кофойской рубашке, но и его рост не превышал 140 сантиметров.

Привыкнув к их высоким голосам, я уяснил, что заболела их родственница и что она на мезонине. Узкая лесенка привела в совсем уж крошечную комнатушку. Двускатный, неровно оштукатуренный потолок напоминал о том, что находишься под самой крышей. Справа был письменный столик с массивными круглыми резными ножками, крытый зеленым сукном, над ним висели старинные фотографии в черных рамках и несколько миниатюр. У окна стоял шкафчик с книгами, с толстыми гранеными стеклами, обрамленными медным узорным переплетом. Ближе к лестнице, по которой мы поднялись, на кожаном диване с высокой спинкой лежала женщина. Женщина была крошечной, но прекрасной. Золотые волосы ниспадали локонами на кожу необыкновенной розоватой белизны, правильные, хотя и немного кукольное лицо с ярко алыми губами, которых не касалась помада. Голубые глаза были полны слез. Казалось, только слезы на этом лице были крупными. Крупными и блестящими, как топазовые бусы. Я присел на стульчик. Успокаивая и глядя ее фарфоровую ручку, начал осмотр, одновременно спрашивая ее о начале

змием. Впрочем, встретить непьющего анестезиолога никому еще не удавалось. Почти бегом я кинулся к машине. Только бы Баллон не дежурил.

Все прошло гладко. «Но ты мне будешь должен!» — деловито пробурчал вытщенный из постели толстый Баллон. Козе было понятно, что речь идет не о деньгах. К сожалению, пришлось уехать до начала операции, но на следующее утро, сдав смену, я на такси приехал в роддом.

Операция прошла успешно, некоторое время больная отходила от наркоза, и все это время я не покидал палаты. В состоянии полубезьяны она была так нежна и мила, что душа ее, легкая, как розовый дымок, просвечивала сквозь кожу.

Недалеко от площади Горького в хрущевской пятиэтажке я долго нажимал кнопку звонка стандартной квартиры на третьем этаже. Казалось, что за дверью я слышал тихие шаги. Кто-то подошел к двери по ту сторону и, притявываясь, ждал в нерешительности: открывать или нет.

Скорую помощь вызывали? — уже в третий раз громко повторил я.

Наконец, замок скрипнул и в открывшейся двери показался необыкновенно робкий человек.

— Здравствуйте, — очень четко сказал хозяин квартиры, повернулся и засеменил внутрь. — Обязательно снимите обувь. Обувь надо снимать. Полы должны быть чистые.

Я прошел за человеком. Короткий коридор со входом в совмещенный санузел, поворот налево, прямо кухня, направо гостиная, на противоположной стене дверь в еще одну комнату поменьше, все окна на одну сторону — типичное расположение. Обстановка неплохая, если стоять лицом к окну слева — сервант, справа — диван, в середине — круглый стол, накрытый тканой скатертью, все чистенько.

Человек повернулся ко мне, я бегом отметил странность его лица. Хотел поставить диоралевый чехол на стол.

— Нельзя! — вскрикнул хозяин. — Ска-терть пачкать и мять нельзя.

— На что жалуетесь? — неприязненно спросил я, видя, что в квартире никого больше нет.

— Голова болит сильно, — и хозяин взялся за голову.

— Простите, ваше имя-отчество? — спросил я вежливо, но холодно.

— Алеша, — неожиданно ответил молодой пациент.

Только тут меня осенило, ведь у больного не слишком явные, но все же отчетливые черты страдающего болезнью Дауна. Плосковатый затылок, крупные глаза, отчетное лицо с коротким носом. Ну конечно, вот почему мужчина называет себя Алеша.

— Мы можем присесть?

— Да, только потом поставьте стул на то же место.

Я померил давление — 170 на 95.

— Вам нужно сделать укол.

— Да, — покорно согласился больной.

Я посматрел, куда бы можно было пристроить чехол, чтобы достать лекарство и шприц, и выбрал сервант.

— Нет! — испуганно крикнул Алеша. — Нельзя! Можно поцарапать!

Я долго выбирал место. Нельзя же рыться в чеходане, когда он стоит на полу. Сошлись на стуле. Я наполнил шприц.

— Ложитесь, — указал я Алеше на диван.

— Нельзя, — покачал головой старый мальчик, — нельзя ложиться, нельзя мять покрывало.

— Почему нельзя?

— Мама расстроится и будет меня ругать. Нельзя.

Как я ни уговаривал его, Алеша стоял на своем. Пришлось делать укол стоя. Пока ждали эффекта, Алеша даже не присел.

«Боже мой, — думал я. — Насколько он запуган, мало того, что у него болезнь Дауна, он еще и аутичен — все в себе. И какой серый, бледный цвет лица»

— Ты когда гуляешь? — спросил я.

— Никогда.

— То есть как никогда?

— Я простужаюсь — мама расстраивается. Я никогда не гуляю.

— А что же ты делаешь, все дни дома валяешься?

— Я не валяюсь. Нельзя мять покрывало.

— Что же ты делаешь днем?

— Стою.

— Просто стоишь?

— Да.

— Но это же скучно!

природу. Часть из них были совершенно здоровыми, часть — неизлечимо больными. Врач не мог не видеть в этом отголоски смешения двух рас, может быть, даже двух видов. Снова крутилось колесо генетической рулетки, снова «случайно» шарик попадал в углубление «случайного» номера.

Врачи несут ответственность за все. Государства вздумали воевать. Врачи латают, чинят, зашивают солдатиков, в которых играют государственные мушкетеры.

Люди отравляют воздух, реки, землю, оставляя отбросы рядом со своим домом. Поступают так, как не способно поступать ни одно животное. Врачи борются с нарастающими аллергиями, раком, отравлениями.

Воровство разоряет страну — медики подбирают и увозят голодных и бездомных. «Скорая помощь» — это СКОРАЯ ПОМОЩЬ: так ее воспринимают люди. Во всем.

— Доктор, мой муж пьет.

— Доктор, мой муж изменяет.

— Доктор, меня уволили с работы.

— Жена побила.

— Я хочу есть.

— Мне негде жить. Вы давали клятву Гиппократу. Неужели вы бросите меня на улице?

«Скорая помощь» — это калейдоскоп.

Свадьбы и похороны, дни рождения и поминки, рождения и смерти, драки и примирения... Отравления, пожары, катастрофы.

На свадьбах — битые, на похоронах — инфаркты и инсульты. На днях рождения и поминках и везде пьяные, пьяные, пьяные...

А часто — уже холодные трупы. И резаные, стреляные, битые, раздавленные, как на линии фронта. Через меня льются реки крови и боли. Тысячи анекдотических совпадений и нелепых случайностей.

В 90-е годы приезжая на «Скорой» на вызовы, я постоянно попадал в разные миры. На Черниговской в Нижнем Новгороде было отдельное зазеркалье. В дореволюционные времена улица была оживленнейшей, а потом стала иллюстрацией к «Сталкеру». На ней до сих пор стоит роскошное здание Ромодановского вокзала (бывший вокзал Нижнего Новгорода, существовавший до 1974 года. Начало возведения — 1900 год), с которого отправлялись поезда в Казань, тут стояли мельницы Башкировых, одна из первых электростанций находилась именно здесь. Похожее на дворец здание электростанции я обнаружил, гуляя по заброшенной набережной. Поначалу подумал, что открыл чью-то усадьбу. Настолько величественны были фасады и стрельчатые окна. И только попав в своеобразные цеха с бездонными шольными циклопическими подвалами, понял, что сооружение техническое.

Напротив ярмарки высились особняки и доходные дома, которыми гордились бы и Петербург. А у нас все в запустении, в разрухе. Сколько тут было купеческой торговой жизни, сколько сделок! По Волге сновали красивые лодки, перевоза имевших хлеботорговцев, неуклюже двигались тяжелые баржи, горделиво хлопали огромными колесами пароходы.

Пришли другие времена, особняки поделили между собой другие, река обмелела, технические здания сбросили с себя украшения и стали типовыми свинарниками для машин. Пока мельницу не закрыли, вокруг нее селились алкоголики-грузчики. Их было много. Это были династии физических сильных алкашей, сбившихся в неуправляемую стаю. Хотя периодически за драки они сидели.

Ходить вечерами по этому району не рекомендовалось.

Но прошли годы, закрылась и мельница. И в притонах доживали окончательно спившиеся огрызки социальных потрясений. В такие вот хоромы я и попал однажды.

Встретили меня два скукоженных «синяках». Потом я понял, что это отец и сын. Маленькие такие, сине-малиновые, переживавшие с трудом. Из их сбивчивого рассказа я понял, что у них вчера было много гостей, а одна из них осталась и не уходит. Я прошел в маленькую, затхлую комнатушку. На засаленном диване лежала совершенно голая женщина с красивым стройным фигуристым телом и симпатичным, но опухшим лицом. Ее глаза были закрыты. Женщина находилась в забытии.

— Где ее одежда?

— Нету.

— Пропили что ли?

— Ну, доктор, какой же ты тупой, не было одежды, так она и пришла. Голой.

— По улице.

— Ну, тупой. Да! По улице! Откуда же она зашла-то к нам. Не из туалета же?

Я осмотрел женщину, прослушал сердце. Давление, пульс в норме, дыхание без патологических шумов. Болезненности, напряжения в животе нет. Но женщина без сознания. Привести ее в чувства не представлялось возможным.

— И давно она так лежит?

— Пришла да легла.

Я не понадеялся на свою квалификацию и вышел к машине, чтобы вызвать кардиологов. Собственно я не знал, кого вызывать, такое я видел впервые. И, кстати, больше не видел. Все специализированные бригады оказались на вызове, и я решил госпитализировать ее в палату больницы-ста.

Отнесли мы ее в машину на старом одеяле. В пятой больнице докторицы покачали головами, но больную приняли.

После смены я созвонился с приемным покоем.

— Ну как там моя крестница?

— Доктор, вы должны нам тапочки.

— Почему?

— Больная ваша очухалась, встала, надела ботиночки, тапочки и ушла.

— Как ушла, голый?

— Нет, доктор, в наших тапочках, а сверху натурально — голый.

До сих пор мне иногда кажется, что где-то по квартире Нижнего Новгорода ходит красивая голая женщина и дарит людям счастье. Может быть, это заплутовавшая грехеская богиня?